

Научная статья

УДК 343.988

DOI: 10.47475/2411-0590-2022-19201

Криминальная виктимология как междисциплинарная превентивная теория

Андрей Геннадьевич Горшенков¹, Геннадий Николаевич Горшенков²

*¹Российский государственный университет правосудия, Приволжский филиал
Нижний Новгород, Россия
monster1970g@gmail.com*

*²Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
Нижний Новгород, Россия
gen7976@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0314-2488>*

Аннотация. Излагаются идеи, корректирующие некоторые положения криминальной виктимологии, особенно относящихся к категории «виктимность» и связанным с ней правоотношениям, в частности «преступно-виктимного» характера. Анализируется предмет криминальной виктимологии, в котором рассматриваются не жертва как субъект виктимности и ее роль в причинном объяснении преступления, а виктимность, т. е. свойство, присущее жертве, закономерности возникновения, развития и неоднозначная роль (переходчивое качество) в уголовно-правовых отношениях, тенденции виктимизации субъектов уголовно-правовых отношений, меры виктимологического предупреждения и профилактики, обеспечения криминологической безопасности, а также закономерности, тенденции «виктимологической» криминализации, или значимости поведения жертвы в детерминации преступления. Дается авторское определение криминальной виктимологии как теории, изучающей виктимность уголовно-правовых отношений в целях выяснения ее причинности, неоднозначного влияния на криминализацию деяния, а также возможности предупреждения, включая профилактику, виктимного поведения. Обращается внимание на междисциплинарный характер концепции, в которой уголовно-правовые отношения рассматриваются в соответствии с предметом исследования дифференцированно, т. е. с учетом «естественно-исторического» и «техно-юридического» генезиса виктимности, а также уголовно-отраслевых особенностей ее юридической оценки, в которой неизбежна взаимосвязь с сопутствующими научными дисциплинами — экспертологией, оперативно-розыскной деятельностью, юридической (криминальной, виктимологической) психологией. Излагаются идеи функциональной определенности концепции, сущность которой предполагает разработку, совершенствование научно-практического инструментария исследования природы, закономерностей виктимности как источника угрозы противопреступной безопасности и систематизации знаний, открывающих возможности виктимологической превенции.

Ключевые слова: виктимность, криминал, субъект виктимности, противопреступная безопасность, криминализованный жертва, обвинение жертвы

© А. Г. Горшенков, Г. Н. Горшенков

Для цитирования: Горшенков А. Г., Горшенков Г. Н. Криминальная виктимология как междисциплинарная превентивная теория // Виктимология. 2022. Т. 9, № 2. С. 137–147. DOI: 10.47475/2411-0590-2022-19201

Research article

Criminal Victimology as an Interdisciplinary Preventive Theory

Andrey G. Gorshenkov¹, Gennady N. Gorshenkov²

¹Russian State University of Justice, Privolzhsky Branch, Nizhny Novgorod, Russia
monster1970g@gmail.com

²N. I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia
gen7976@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0314-2488>

Abstract. Ideas are presented that correct some provisions of criminal victimology, especially those related to the category of “victimhood” and related legal relations, in particular of a “criminal-victim” nature. The article analyzes the subject of criminal victimology, which considers not the victim as a victim of victimization and its role in the causal explanation of the crime, but victimization, i.e. the property inherent in the victim, patterns of occurrence, development and ambiguous role (transitive quality) in criminal law relations, trends in victimization of subjects of criminal law relations, measures of victimological prevention and prevention, criminological security, as well as patterns, trends of “victimological” criminalization, or the significance of the victim’s behavior in determining the crime. The author’s definition of criminal victimology is given as a theory that studies the victimization of criminal law relations in order to clarify its causality, ambiguous influence on the criminalization of an act, as well as the possibility of prevention, including prevention, of victim behavior. Attention is drawn to the interdisciplinary nature of the concept, in which criminal-legal relations are considered in accordance with the subject of the study differentially, i.e. taking into account the “natural-historical” and “technical-legal” genesis of victimization, as well as the criminal-branch features of its legal assessment, in which the relationship with related scientific disciplines — expert studies, operational-investigative activities, legal (criminal, victimological) psychology is inevitable. The ideas of functional certainty of the concept are presented, the essence of which involves the development, improvement of scientific and practical tools for the study of the nature, patterns of victimization as a source of threat to anti-criminal security and systematization of knowledge that opens up the possibilities of victimological prevention.

Keywords: victimization, crime, victimization subject, anti-criminal security, criminalized victim, victim accusation

For citation: Gorshenkov AG, Gorshenkov GN. Criminal Victimology as an Interdisciplinary Preventive Theory. *Viktimologiya* [Victimology]. 2022;9(2):137-147. DOI: 10.47475/2411-0590-2022-19201 (In Russ.)

Введение

Предмет нашего исследования — «криминальная виктимология» как теория, в которой должны систематизироваться знания о претерпевании вреда, причиняемого преступлением (единственного, истинного по Ч. Беккария, мерила преступлений). Обращаемся к данной концепции

исключительно как предмету *криминологического интереса*. Причем, наши рассуждения будут обращены только к физическим лицам, которым преступлением причинен (либо может быть причинен) физический, имущественный, моральный вред (ч. 1 ст. 42 УПК РФ), хотя потерпевшими уголовный закон признает и юридических лиц — в случае

причинения преступлением вреда их имуществу и деловой репутации.

«Криминологический интерес» означает отнюдь не столько *социологическую* (хотя без этой составляющей обойтись невозможно), сколько *нормативистскую* (закрепленную в нормах права) сущность предмета изучения. В соответствии с новой научной специальностью 5.1.4 — Уголовно-правовые науки (*теория уголовного права, криминологии, уголовно-процессуального права, уголовно-исполнительного права, криминалистики, экспертологии, оперативно-розыскной деятельности*) криминальная виктимология трактуется нами как междисциплинарная **теория о жертве криминалосодержащих угроз**.

Что мы имеем в виду под этим термином «криминалосодержащие угрозы»? *Угроза* есть возможность, *намерение* общественно опасного, точнее, вредного (целенаправленного или неосторожного) воздействия с признаками уголовной ответственности.

То есть, по сути, необходимо рассматривать феномен криминологической безопасности личности. Например, М. П. Клейменов и А. В. Артемов определяют содержание данной криминологической категории как «состояние защищенности законных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз, источниками которых выступают явления, которые в той или иной степени связаны с преступностью, общественно опасными посягательствами, криминальной деятельностью, интересами криминалитета» [1], т. е. явления, качественное состояние которых определяет *криминал*.

Слово «криминал» имеет разные значения. Например, в переводе с латинского *crimen* означают в частности: «обвинение», «упрек», «обвиняемый», «преступник», «вина», «проступок», «грех», «преступление», «прелюбодеяние», «недостаток», «вред»¹; «предмет разбирательства», «дело», «судебное исследование», «уголовное судопроизводство» [2, с. 35].

Здесь же нельзя обойти вниманием и слово *criminalis*, что в переводе с латинского означает «преступный», «относящийся к преступлению». Таким образом, учение о преступлении, или относящемся к преступлению, именовалось как «криминальное» — «криминальная теория», «криминальное право». Аналогичное «клеймо» получают и («криминальная») жертва (*victima*) и («криминальное») учение о жертве — *криминальная виктимология*, образно говоря своего рода **дитя родственных уголовно-правовых наук**.

Традиционно *криминальная виктимология* отождествляется с *криминологической виктимологией*. Например, один из основоположников рассматриваемой теории проф. Д. В. Ривман, размышляя о ее будущем, писал так: на данном этапе (начала 2000-х годов) «криминальная (криминологическая) виктимология... — это новое научное направление, развивающееся в рамках криминологии... она, скорее всего, останется в составе криминологии и в том случае, если получат развитие исследования *жертв не криминального происхождения* (выделено нами — *авт.*), которые, что вполне возможно, оформятся в самостоятельную научную дисциплину» [3, с. 16–17] (уточним: уголовно-правового цикла).

Мы знаем, что научное познание подчинено соответствующим закономерностям: *увеличение* информационной емкости теорий; *переход* от относительно простого знания явлений, процессов к знанию более сложному; *активность* интеграционных связей различных, особенно смежных областей знания, инновационной мысли учебного [4, с. 211]...

В истории развития юридической мысли о преступлении как социально-правовом явлении хорошо «просматривается» действие законов *дифференциации* (формирование и в дальнейшем выделения новых научных дисциплин — из «расширенной» уголовно-правовой науки, как это началось в XVIII веке) и интеграции (противоположной тенденции объединения «родственных» научных дисциплин, как это мы наблюдаем сегодня в лице относительно новой научной специальности 5.1.4 — Уголовно-правовые науки).

¹ Crimen // Большой латинско-русский словарь. URL: <http://linguaeterna.com/vocabula/list.php?letter=crime&submit=%CF%EЕ%EA%E0%E7%E0%F2%FC> (дата обращения: 11.09.2021).

Поистине провидец виктимологической науки, криминолог Д. В. Ривман обратил внимание на «некриминальное происхождение» жертвы как специфическую особенность предмета криминологического исследования. В связи с этим представляется перспективным рассмотреть виктимологический феномен в междисциплинарном, т. е. уголовно-правовом аспекте, или в парадигме «криминальной виктимологии», в которой сфокусированы предметные интересы прежде всего теорий материального, процессуального, исполнительного права, криминологии. И, что немаловажно, эти интересы отвечают в частности межотраслевому принципу гуманизма (ст. 7 УК РФ; ст. 9, 10, 11 УПК РФ; ст. 8 УИК РФ; человекоцентрический подход в криминологии).

Единым объектом междисциплинарного исследования выступает лицо, претерпевающее вред от криминалосодержащих воздействий. Критерии оценки юридической стороны статуса «жертвы» (признанной потерпевшим), в частности определены уголовным правом, уголовно-процессуальным правом (например, ст. 42 УПК РФ — «Потерпевший»; ст. 76 УК РФ — о возможности, освобождения от уголовной ответственности лица, совершившего преступление, в случае его примирения с потерпевшим и загладившего причиненный потерпевшему вред, ст. 25 УПК РФ, аналогично ст. 76 УК РФ, допускающая прекращение уголовного дела при наличии соответствующих обстоятельств за примирением с потерпевшим, при наличии заявления от последнего). И целый ряд других регулятивных норм.

Кстати, ныне разработана комплексная теория безопасности личности в уголовном судопроизводстве, в которой представлена система профилактики противоправного воздействия на защищаемых лиц, дана классификация уголовно-процессуальных мер безопасности [5]. Активно ведутся теоретические разработки проблемы пенитенциарной виктимологии как относительно осужденных [6, с. 36–41], так и сотрудников исполнительной системы [7].

Таков «информационный фон», на котором мы намерены развернуть некоторые мысли, укрепляющие представления

о *коренном феномене* криминальной виктимологии — *виктимности*.

Основная часть

Виктимность как *объект*, т. е. существующий *объективно*, независимо от нашего сознания, тем не менее, «подчинен» нашему исследовательскому интересу, что обращает виктимность в *предмет* научного изучения.

К предмету исследования мы относим, *во-первых*, закономерности, тенденции *виктимизации* субъектов уголовно-правовых отношений, меры виктимологического предупреждения и профилактики, меры обеспечения криминологической безопасности; *во-вторых*, закономерности, тенденции, образно говоря, «виктимологической» криминализации, или роль, значение *поведения жертвы в детерминации преступления*. Например, виктимность может иметь юридические свойства, а именно придающие обстоятельствам такое качество, которое может оцениваться в соответствии с УК РФ и УПК РФ как смягчающими наказание.

В рассматриваемом аспекте поведение *субъекта виктимности — жертвы* оценивается как *криминогенный фактор*. Это не соотносится с привычным, сочувственным отношением к жертве как претерпевающей вред от преступного деяния и потому заслуживающей поддержки и защиты. Однако уже изначально осмысление новой категории, вводимой в научный аппарат антрополого-социологического направления уголовно-правового учения о преступлении охватывало *не только* сложный, биопсихосоциальный характер отношений преступника и жертвы как важнейших элементов (механизма) преступления, но и их контрастную направленность.

Например, основоположник виктимологии (криминальный виктимолог) Б. Мендельсон распределял жертвы на шесть категорий: 1) полностью невинная жертва; 2) жертва, виновная в меньшей степени — например, по неведению; 3) добровольная жертва, т. е. вина которой равна виновности преступника; 4) жертва, виновная в большей мере, чем преступник, — спровоцировавшая его; 5) виновная жертва — получивший отпор насильник, грабитель;

б) мнимая жертва — не пострадавшая, но заявляющая ложные обвинения¹.

Правда, критики упрекают ученого в предвзятости, который, в силу своего профессионального уклона (он был криминальным адвокатом более чем высокого ранга, или *барристером*) искал всяческие изъяны, детали, с помощью которых можно было посеять сомнения в невинности жертвы, разочаровать сочувствующих².

Увы, в этом наблюдается объективная закономерность — процессуальная состязательность, в которой состязатель предпринимает все возможное, чтобы *выиграть процесс*. А правила игры могут быть любые: «Разрешено все, что не запрещено законом». Этот либеральный принцип приемлем и для стороны обвинения, и для стороны защиты.

В числе проблем криминальной виктимологии следует выделить в первую очередь *причинность*, или виктимологическую детерминацию и *предупреждение*, в лучшем случае, — *причинности* (на что главным образом направлена виктимологическая профилактика), а затем минимизация деструктивных процессов (виктимизации), с одной стороны, и процессов криминализации, — с другой.

Здесь уже имеем дело с предотвращением, пресечением преступного посягательства на личность, т. е. обеспечением так называемой *криминологической*, точнее, *противопреступной безопасности личности*.

Противопреступная безопасность

Разработчики концепции криминологической безопасности выделяют *два смысловых аспекта* относительно определяемых нами уголовно-правовых отношений. Один из них (назовем его *криминальный аспект*) — обусловлен *субъектом* явно преступного или общественно опасного поведения; другой (явно *виктимологический*) — обусловлен *объектом* защиты, или жертвы. Оба аспекта можно определить как стороны взаимодействия, анализ которого предпочтительно

проводить с помощью системно-синергического метода.

Далее следует интересное наблюдение разработчиков в отношении приоритетов предупредительного воздействия, или, как у авторов, «иерархии форм деятельности по обеспечению криминологической безопасности»³. На высший иерархический уровень они помещают объект защиты (т. е. потенциальную жертву) и проводят ориентацию на *оборонительную*, точнее, *оберегательную* стратегию обеспечения криминологической (виктимологической) безопасности. В этом проявляется перво-степенная функция предупредительно-защитительной деятельности.

Вторая, не менее важная функция обеспечения безопасности жертвы как субъекта уголовно-правовых отношений заключается «в наступательном» (употребим такой термин) воздействии уже на сам источник криминальной угрозы.

Однако нередко эти виды — *виктимологического и антикриминального* — противодействия угрозам реализуются одновременно.

Уголовно-правовые (материальные, процессуальные, исполнительные, криминологические) отношения весьма многообразны, как многообразны угрозы безопасности их субъектам. Вспомним общее их определение, которое приведено выше: явления, в той или иной мере связанные с преступностью, общественно опасными посягательствами, криминальной деятельностью (М. П. Клейменов, А. В. Артемов).

«Криминологическая безопасность» — термин не совсем удачный: он сглаживает остроту криминальной угрозы и рискованность противодействия преступности. Его сущность выражена главным образом в *криминологической профилактике* — выявлении, изучении криминогенных (виктимогенных) факторов, разработке мер, направленных на минимизацию потенциала указанных факторов, вплоть до их возможного устранения.

¹ Виктимология и виктимблейминг. Часть первая. URL: <https://9oemarta.ru/2021/05/28/виктимология-и-виктимблейминг-часть/> (дата обращения: 14.02.2022).

² Там же.

³ Криминологическая безопасность: понятие и сущность. URL: https://studref.com/483366/pravo/kriminologicheskaya_bezopasnost_ponyatie_suschnost (дата обращения: 05.02.2022).

Данный вид деятельности не предполагает ни специфического объекта, ни специфических методов его защиты от преступлений. Для этой деятельности важно обеспечить условия безопасности, т. е. условия, в которых отсутствует возможность для возникновения так называемых «фоновых явлений» общественной опасности, сопряженной как правило с виктимностью. В то же время, как в любом другом виде деятельности по обеспечению безопасности личности от криминальной угрозы (уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, пенитенциарной и т. п.), применяются любые легитимные меры предупреждения (профилактики, предотвращения, пресечения)¹.

В криминологической науке разработана соответствующая междисциплинарная теория *антикриминальной безопасности личности* [8]. Ее автор предлагает следующие приоритетные направления изучения данной проблемы, в частности: уголовно-правовое, уголовно-процессуальное, оперативно-розыскное, антитеррористическое, пенитенциарное, наконец, криминологическое.

В них уделено значительное внимание виктимологическому аспекту. Например, представляя систему оперативно-розыскной безопасности, ученый рассматривает ее объект, в котором выделяются следующие лица: 1) *виктимы*, или *виктимные личности*, представляющую повышенный интерес для преступника; выделяет в них две группы признаков: а) личностные (неправовое, некритичное, аморальное поведение и т. п.); б) неличностные (должностное положение, политический статус и др.); 2) *криминогенно-прикосновенные лица*, т. е. лица, вовлеченные в криминальную инфраструктуру, обслуживающие легальные и теневые потребности преступных сообществ; 3) лица, *содействующие органам*, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность; 4) *штатные* сотрудники органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность [8, с. 27–29].

Еще большей спецификой отличается такая система, как *антикриминальная VIP-безопасность*, совсем не похожая на систему *криминологической безопасности*. Объектом «виктимологической» охраны выступают особо важные персоны; субъектами охраны определены специально подготовленные специалисты [8, с. 31].

Со сферой антикриминальной, или противопреступной безопасности, в нашем представлении лишь в малой степени может быть соотнесена так называемая *криминологическая (виктимологическая) безопасность*.

Криминологическая составляющая безопасности — это, в нашем представлении, теоретическая разработка и практическая реализация идей, направленных на выявление, изучение и предупреждения условий криминогенности (виктимогенности), в которых усматривается возникновение либо отдаленно возможной, либо очевидно реальной криминальной опасности.

Возможность наступления вполне вероятных в той или иной степени угроз диктует необходимость, помимо криминологических мер, обращаться к иным, в особенности уголовно-превентивным и в целом правоохранительным мерам, которые непосредственно направлены на обеспечение противопреступной безопасности, т. е. мерам охраны, переходящей в защиту (самозащиту, или самооборону), мерам, обеспечивающим предотвращение, пресечения преступного посягательства, или виктимизацию.

Однако, несмотря на существенные различия, обусловленные спецификой средств отраслей права уголовно-правового блока (по объекту, методам и субъекту) обеспечения, *противопреступная безопасность* в итоге может быть определена как *состояние внутреннего мира личности и условий ее окружения, которое вселяет уверенность в отсутствии криминальных угроз*. А такое состояние может быть сформировано только систематизированными (политикой) усилиями прежде всего государства и общества в лице его специальных институтов, в том числе и защищающих права жертвы — домашнего насилия, коррупции, пыток...

¹ Понятие антикриминальной безопасности... URL: <https://fs.nashaucheba.ru/docs/2129/index-290674-23.html> (дата обращения: 06.02.2022).

Преступно-виктимные связи

Для всех очевидно, что данная система обречена на ответное *противодействие* криминальной системы. Точнее, следует говорить о *взаимодействии* этих систем, или взаимных действиях в отношении друг друга, одним из которых и выступает *противодействие*. Другой вид взаимодействия — *сотрудничество*. Оно осуществляется как на правовой основе (например, сотрудничество со следствием), так и на не правовой и даже противоправной (пример: коррупционная сделка). В этом взаимодействии, к сожалению, используется как право, так и неправое (по Гегелю). И проблема виктимности здесь заявляет о себе со всей остротой.

Остроту придает то обстоятельство, что, как известно, сама система (виктимологического, антикриминального) противодействия преступности содержит в себе немалый общественно опасный потенциал «неправа», который используется как *право силы* («силовик» — выразительный термин) в принуждении людей к признаниям того, чего они не совершали, в фальсификации доказательств. Принуждаемые же лишены ответить тем же. Больше того, всякая попытка защитить себя оборачивается для них «неповиновением», «оказанием сопротивления».

Сегодня законодатели рассматривают несколько проектов так называемого «пытчного» законопроекта в защиту жертв правоприменения. Что интересно, одни авторы проекта категорически настроены против сложившейся, по сути, инквизиторской практики силовиков. По их убеждению, «необходимо установить уголовную ответственность за применение пытки в качестве самостоятельного состава преступления и рассматривать ее как тяжкое преступление»¹.

Другой проект демонстрирует снисходительное отношение к «праву силы»:

¹ Сенатор Нарусова внесла в Думу альтернативные поправки о пытках. Они позволяют в суде отказаться от «выбитых» показания. URL: https://novayagazeta.ru/articles/2022/02/14/senator-narusova-vnesla-v-dumu-alternativnye-popravki-o-pytках-oni-pozvoliaut-otkazatsia-v-sude-ot-vybitykh-pokazanii-news?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 15.02.2022).

предусматривает лишь усиление наказания по ст. 302 УК РФ за «принуждение подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля к даче показаний... путем применения угроз, шантажа или иных незаконных действий...», а также некоторые изменения в других составах, *но без внесения в УК РФ отдельной статьи о пытках, на чем продолжают настаивать правозащитники*².

Человек, подозреваемый (обращаемый в подозреваемые) в совершении преступления, оказывается еще и жертвой преступного насилия. Но для кого-то это насилие представляется справедливым по отношению к «противнику», в котором видит преступник и который, по убеждению «силовика», понимает только язык силы, т. е. точно так, как и сам такого рода «силовик».

Но встречаются и другие ситуации, в которых возникают более сложные и менее заметные «преступно-виктимные» связи.

Например, как рассматривать «вынужденного» взяткодателя (жертву вымогателя) или, наоборот, взяткополучателя, не нашедшего в себе сил устоять перед искушением и предательскими страстями, подстрекательскими действиями, а то и угрозами (предлагается даже подумать об «обстоятельствах непреодолимой силы»)? В подобной ситуации видится преступник и жертва в одном лице, или «криминализованная жертва» [9, с. 77]. Между этими субъектами, как мы уже упоминали, возникают сложные «преступно-виктимные» уголовно-правовые отношения.

В связи с этим вызывает интерес статья «Жертва и преступник — партнеры по преступлению?», опубликованная в общественной газете для семейного чтения. Автор анализирует роль жертвы (потерпевшего) в механизме преступления и обращает внимание на следующие проявления поведения потерпевшего: он может инициировать или укрепить намерение преступника совершить преступление; изменить

² Лучше, конечно, помучить. Интрига вокруг «пытчного» законопроекта показывает, насколько силовики не хотят расставаться с этим «инструментом». URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2022/01/22/luchshe-konechno-pomuchit> (дата обращения: 15.02.2022).

мотивацию, «переключив» деятельность преступника на более общественно опасные способы достижения результата; облегчить их наступление; может спровоцировать виновного¹ и т. п.

Проблема «криминогенной», а то и «преступной» жертвы» вот уже чуть более 50 лет активно обсуждается в печати. Сформировалась точка зрения, в которой вина за преступление возлагается на его жертву. Американский психолог Уильям Райман ввел в научный оборот термин «обвинение жертвы» (*victim blaming*), употребив его в своей одноименной книге, в которой изложил проблему обвинения жертвы как идеологию [10].

И вообще в криминологической терминологии употребляется термин «жертва преступления» *некорректный*, ибо лишен криминологического признака причинности. Это по существу уголовно-правовая категория, в которой выражена так называемая *причинная связь* (в уголовном праве). Но ни о какой причинности речь не идет. На самом деле — это «всего лишь» *функциональная связь*, которая устанавливается между деянием и последствиями в виде причиненного субъекту физического, имущественного, морального вреда. Данная «*причинная*» связь служит лишь одним из критериев юридической оценки характера и степени общественной опасности (криминализации), или юридической стороны преступления как социально-правового явления. Кстати, в этом усматривается сущность уголовного права вообще, т. е. в оценке Ф. Листа, как «*совокупность правовых норм, посредством которых государство с известными фактическими отношениями — преступным деянием — связывает юридические последствия — наказания*» [11, с. 1].

Хотя, вместе с этим Лист отмечал и предупредительную функцию уголовного наказания, его своеобразную силу, которая проявляется в воздействии на общество, преступника, а «равно на потерпевшего, предоставляя ему сверх того *удовлетворение*, что направленное против него

противоправное нападение не остается неотмщенным» [11, с. 70].

Криминологический же интерес здесь заключается в установлении и изучении сложного механизма взаимодействия двух субъектов уголовно-правовых отношений, в которых бывает не так просто определить истинную причинность в субъективных и объективных проявлениях криминализации и виктимизации.

Заключение

Итак, систематизируя сказанное, сформулируем основные положения.

Криминальная виктимология традиционно определяется в частности как «учение о жертве (выделено нами — *авт.*), раздел криминологии, изучающий поведение потерпевших, роль в причинном объяснении преступного поведения и в ситуации, в которой она осуществляется»².

Но нам импонирует другой вариант определения: «Криминологическая виктимология — это учение о *закономерностях возникновения, существования и развития виктимности* (выделено нами — *авт.*) — вероятности определенных лиц и групп пострадать от общественно опасных посягательств; поведении жертв преступлений, их личностных особенностях; методах защиты граждан от криминальных угроз»³.

Как видим, термины разные, а сущность одна — криминологическая. Принципиальную разницу мы усматриваем в предмете исследования: в первом случае — это *жертва*, или носитель виктимности; во втором — *виктимность*, т. е. *вероятность* определенных лиц и групп пострадать от общественно опасного посягательства.

Виктимность (лат. *victima* – жертва) традиционно определяется как некое *привилегированное* (для определенных людей, виктимов) субъективное свойство — *предрасположенность*, или *повышенная вероятность*, даже определенная *способность* (не каждому дано), *предназначение* (свыше) оказаться жертвой. Во всем этом выражена

² Криминальная виктимология. URL: <https://be5.biz/pravo/k035/26.html> (дата обращения: 06.02.2022).

³ Криминологическая виктимология. URL: <https://be5.biz/pravo/k044/7.html> (дата обращения: 06.02.2022).

какая-то обреченность. Но у многих людей ничего подобного может и не наблюдаться. Просто люди в определенной ситуации могли быть лишены возможности, способности уберечься от опасности, защитить себя или кого-то от преступного посягательства. К сожалению, никто из нас не застрахован от этого. Например, от «виктимогенной миссии» обстоятельство (соответствующей ситуации), *непредсказуемой* или *юридически смоделированной* инверсии ролей в криминальной ситуации, юридического *манипулирования* в фальсификации документов, состязании обвинения и защиты и т. п. Именно в руках манипулятора и оказывается «закон что дышло...». Как повернется к преступнику, жертве, так и вышло.

Вспомним проблемные ситуации, связанные с необходимой обороной, нарушением неприкосновенности жилища, изнасилованием, пытками, «криминальным заражением» жертв (вскипающих чувством мести к своим обидчикам) или обсуждаемую криминалистами, криминологами проблему допущения вреда с согласия лица или по его просьбе, и т. п.

Виктимность — сложное явление, которое, с одной стороны, следует рассматривать (по Ф. Листу) с *естественно-исторической* точки зрения (неспособности избежать преступного посягательства, неумения предотвратить таковое, не критичность в оценке отношений и т. п.), с другой стороны, — исходя из субъективизированной *техничко-юридической* оценки, или (политически, коррупционно) выгодного «клеймения» (вспомним теорию стигмы Ф. Танненбума) избираемой «жертвы»¹.

Таким образом, *виктимность* можем представить как динамично-статический феномен, т. е., во-первых, процесс («формирования виктимности», или *виктимизацию*), в итоге наделяющий человека (заслуживающего либо не заслуживающего того) соответствующим *качественным признаком* либо *признаком-штампом* — *виктимностью*.

Виктимность аналогична полярному свойству деяния *преступности* и также

может рассматриваться в динамике — в соответствии с этапами развития (стадий) преступления. Как молния бьет в самый ближайший (высокий) предмет, устремляясь по пути наименьшего сопротивления, так и *виктимность* (как беспомощность перед опасностью) поражает, или «парализует» того, кто наиболее к этому предрасположен, наименее от этого защищен или вообще оказался ближе к той самой «*виктимогенной миссии*» обстоятельство, перед фактором случайности.

Итак, *предметом криминальной виктимологии* предлагается рассматривать *виктимность* как *переходчивое свойство* взаимодействующих субъектов уголовно-правовых отношений.

Соответственно и *криминальная виктимология* может быть определена как *теория, изучающая виктимность уголовно-правовых отношений* в целях выяснения ее *причинности, влияния на криминализацию деяния, а также возможности предупреждения виктимного поведения*.

Междисциплинарный характер настоящей теории очевиден: уголовно-правовые отношения рассматриваются в соответствии с предметом исследования дифференцированно, с учетом неоднозначного («естественно-исторического» и «техничко-юридического») *генезиса* виктимности, а также уголовно-отраслевых особенностей ее *юридической оценки*, в которой неизбежно участие так называемых сопутствующих научных дисциплин — *экспертологии* (в том числе криминологической), *оперативно-розыскной деятельности*, *юридической* (криминальной, *виктимологической*) *психологии*.

Главное предназначение, или функция («цель» как ожидаемый результат некорректно употреблять относительно теории, ибо достигнутый результат делает процесс познания ненужным) рассматриваемой теории заложена в ее определении: *разработка, совершенствование научно-практического инструментария* исследования природы, закономерностей *виктимности* как источника угрозы противопреступной безопасности и систематизации знаний, открывающих возможности *виктимологической превенции*.

¹ Криминологическая виктимология. URL: <https://be5.biz/pravo/k044/7.html> (дата обращения: 06.02.2022).

Настоящие наброски-размышления предполагают ответные, взвешиваемые, конструктивно-критические суждения. Именно в этом «дискуссионном русле» научного познания и набирает силу инновационная мысль. Будем надеяться на это.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Клейменов М. П., Артемов А. В. Предвидение криминологической безопасности // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2004. № 1. С. 113–115.
2. Crimen // Реальный словарь классических древностей по Любкеру. С.-Петербург, 1885. 1552 с.
3. Ривман Д. В. Криминальная виктимология. Санкт-Петербург : Питер, 2002. 304 с.
4. Лебедев С. А. Философия науки : учеб. пособие для магистров. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2015. 296 с.
5. Епихин А. Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. Санкт-Петербург : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. 331 с.
6. Хупутдинова Ю. Р., Егоров О. Н. Пенитенциарная виктимизация осужденных // Виктимология. 2017. № 3 (13). С. 36–41.
7. Репакова О. Н. Обеспечение виктимологической безопасности сотрудников уголовно-исполнительной системы от криминальных посягательств осужденных // Виктимология. 2014. № 2 (2). С. 41–45.
8. Горшенков Г. Г. Антикриминальная безопасность личности : монография. Нижний Новгород : Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2006. 294 с.
9. Горшенков Г. Г. Личность перед опасностью криминальной угрозы : монография. Нижний Новгород, 2006. 108 с.
10. William R. Blaming the Victim. Pantheon Books, 1971. 299 p.
11. Лист Ф. Учебник уголовного права. Общая часть. Разрешенный автором перевод с 12-го переработанного издания Ф. Ельашевич. С предисловием автора и М. В. Духовского. Москва : Товарищество типографии А. В. Мамонтова, 1903. 333 с.
12. Tannenbaum F. Crime and the Community. N.Y., 1938. 487 p.

References

1. Kleimenov MP, Artemov AV. Anticipation of criminological security. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo* [Bulletin of Omsk University. Series: Law]. 2004;(1):113-115. (In Russ.)
2. Crimen//Real Dictionary of Classical Antiquities by Lubker. St. Petersburg; 1885. 1552 p. (In Russ.)
3. Rivman DV. *Criminal victimology*. St. Petersburg; 2002. 304 p. (In Russ.)
4. Lebedev SA. *Philosophy of science* [textbook]. manual for masters. 2nd ed., reprint. and additional. Moscow; 2015. 296 p. (In Russ.)
5. Epikhin AYU. *Ensuring the security of the individual in criminal proceedings*. St. Petersburg; 2004. 331 p. (In Russ.)
6. Khuputdinova YuR., Egorov ON. Penitentiary victimization of convicts. *Viktimologiya* [Victimology]. 2017;(3):36-41. (In Russ.)
7. Repakova ON. Ensuring victimological security of employees of the penal system from criminal attacks by inmates. *Viktimologiya* [Victimology]. 2014;(2):41-45. (In Russ.)
8. Gorshenkov GG. *Anti-criminal security of the individual* [monograph]. Nizhny Novgorod; 2006. 294 p. (In Russ.)
9. Gorshenkov GG. *Personality before the danger of criminal threat* [monograph]. Nizhny Novgorod; 2006. 108 p. (In Russ.)

10. William R. *Blaming the Victim*. Pantheon Books; 1971. 299 p.
11. List F. *Textbook of criminal law. The general part*. The author's authorized translation from the 12th revised edition of F. Yelyashevich. With a preface by the author and M. V. Dukhovskiy. Moscow; 1903. 333 p. (In Russ.)
12. Tannenbaum F. *Crime and the Community*. N.Y.; 1938. 487 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Горшенков Андрей Геннадьевич кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры уголовного права Российский государственный университет правосудия (Приволжский филиал); пр. Гагарина, д. 17А, г. Нижний Новгород, 603022, Россия.
monster1970g@gmail.com

Горшенков Геннадий Николаевич доктор юридических наук, профессор; профессор кафедры уголовного права и процесса Нижегородского государственного университета им. Н.И.Лобачевского; ул. Ашхабадская, д. 4, г. Нижний Новгород, 603115, Россия.

gen7976@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0314-2488>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey G. Gorshenkov Candidate of Law Sciences, Associate Professor; Associate Professor, Department of Criminal Law, Russian State University of Justice (Volga Branch); 17 Gagarin ave., lit. A, Nizhny Novgorod 603022, Russia.
monster1970g@gmail.com

Gennady N. Gorshenkov Doctor of Law Sciences, Professor; Professor, Department of Criminal Law and Procedure, N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; 4 Ashkhabadskaya st., Nizhny Novgorod 603115, Russia.

gen7976@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0314-2488>

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов в произведение равный.

CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Authors' contribution to the work is equal.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует

COMPETING INTERESTS

No conflict of interest

Дата поступления статьи / Received: 21.02.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 15.03.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 05.05.2022.